

Константин Ильницкий

Из путешествий

На вилле Катулла

Научить бы кто помог.
Много ль истин прописных?
Где красиво – там и бог.
Непреренно. Хоть на миг.

Хоть на букву. Хоть на вздох.
И неважно, кто кумир.
Где красиво – там и бог,
невзирая на ранжир.

Но не более, чем вздрог,
промельк, огненная нить.
Это очень больно – бог,
если встречу вдруг продлить.

Если кто-то и найдет
вдохновения родник,
для божественных щедрот
сердце слабый проводник.

Терракотовый ожог –
это как наследье лета.
Здесь оттачивался слог
у великого поэта.
Но сегодня кто знаком
с его мертвым языком?

Память человеческих глин.
Биография скупа.
Мир эстетики руин –
черепки и черепа.

Питание реки

Полноводные реки питаются прямо с небес.
Вот опять моросит, только ветер слегка потеплел.
По-над бровкой канала в испарину бросило лес.
Словно ангел собрался слететь, но еще не слетел.

Между небом и реками столь очевидная связь,
что прозренье – смешно, а предметность явлений – обуза.
Мы, как малые реки, вначале струимся, резвясь,
а потом замираем с тревогой у камеры шлюза.

Перекрыть бы утечку времен, да бессилен каприз.
И к заветным истокам никто никогда не вернется.
А конкретика шлюзов разводит: кто вверх, а кто вниз.
И душа, испаряясь, в какую-то реку прольется.

Но представьте на миг: рыба-сом, рыба-лещ, рыба-сиг
перекрыли течению ход – вода не сдается.
А на помощь плывут рыба-слон, рыба-конь, рыба-спрут...
И река разошлась с берегами. И ангел смеется.

В глубинах слов

В глубинах слов – глубины всех морей,
вся соль, всех смыслов тайные жилища,
накаты волн и лежбища зверей,
морских зверей в обличьях кораблей,
что о песок почесывают днища.
В глубинах слов – глубины всех морей.

А я чуть утро – буду на плаву,
чтоб ощутить эгейскую прохладу.
И серебром осыпав синеву,
согреет солнце Южные Спорады.

Неназванная твердь – как остров голый.
Безжизненные скалы-берега.
Бросается стремглав на всплеск глагола
словесная морская мелюзга.

И рыбаки забрасывают снасти,
и чайки вдруг срываются в пике,
и хвосток, не избежав напасти,
уже у злого слова на крюке.

И море плещет влагою живую
в барашках междометий и причастий,
уже опознаваемое мною
как чувство, так похожее на счастье.

Это женщину уводят

Тише слышен шум застольный.
Вянет пьяный политес.
Разлюбили? Это больно.
Не улыбка, а надрез.

Как вы холодны вблизи.
«Я прошу – не уходите».
Гильотина жалюзи
режет солнечные нити.

Уговоры бесполезны –
вы уже в пальто одеты.
Маракотоя бездна
вдруг дохнула под паркетом.

С кем забыли о свободе?
Руки с кем переплели?
Это женщину уводят.
Не уводят. Увели.

Человечий удел

Человечий удел –
испытать, как закланье,
одноразовость тел
и безмерность сознания.

И не веря в писанья,
где бессмертные души,
мы исправно сознание
чем-нибудь глушим.

Нам не жить просветленно.
Лишь нахмурится осень –
мы в сердцах обреченно
Апокалипсис носим.

Он очнется с обходом
в больничной палате –
медсестрой с бутербродом
и в старом халате.

И усталые вены
рвут иголками в клочья.
Тленность целой Вселенной
являют воочью.

И предвестьем беды,
что зрачки успокоит,
свет угасшей звезды
или что-то такое.